

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина.— М., в типогр. Н. Степанова, 1829.— 3 части, с виньетками на заглавных листах (В 1-й части 255, во II-й 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.)⁴⁶

В наше время под словом *роман* разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Валтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! подобно ученику Агриппы⁴⁷, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под *беретом*, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу⁴⁸ à la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у Madame Campan⁴⁹, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des débats⁵⁰. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала

Madame de Stael⁵¹, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии

71

заметить нелепости романтических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротой настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются “Юрия Милославского”. Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши⁵² — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на

нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и *костюма*. Напр., новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту*; *пользоваться* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе* значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада*; сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1-м № “Московского вестника” нынешнего года^{*53}, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху “Юрия Милославского”.

72

Иностранная литература

Poezye Alexandra Chodźki (*Стихотворения Александра Ходзьки*).— С П.б., в типогр. К.

* “Московский вестник” будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании.

Крайя, 1829 (VIII —281 стр. в 8-ю д. л. с
картинкою.)⁵⁴

О нынешней поэзии вообще можно сказать с Лафонтеном: Il me faut du nouveau, n'en fut-il plus au monde!⁵⁵

Это потребность времени, и, угождая оной, стихотворцы всех народов наперерыв стараются удивить нас новостью сравнений, независимостью мыслей и смелостию форм. Восточная поэзия, изобилуя гигантскими и роскошными изображениями, служила всегда обильным к тому источником. Писатели, ознакомившиеся с нею, т. е. напитавшиеся ее духом, отличаются какою-то необыкновенною прелестью (le gracieux). “Lalla-Roukh” Томаса Мура⁵⁶, блистая всеми красотами Востока и “The Love of Engels”, нося на себе отпечаток благородства иранской музыки, служат тому доказательством. Адам Мицкевич⁵⁷, переведя “Шанфария” (арабскую кассиду⁵⁸), сам написал “Фариса”, в котором сила мысли, живость изображений и жар поэзии поработают воображение и заставляют его удивляться гению поэта. Он показал, как должно пользоваться сокровищами Востока. Постигнув потребность века пресыщенного, он также угодил ему *новостию* своей поэзии, но без жертвований на счет доброго вкуса. Разделяя вполне дух нашего времени, мы не можем сказать, однако же, что все смелые идеи, удивляющие нас своею новостью, должны находить поверку свою в непреложных законах изящного: тогда только они сохранят свою цену и будут усвоены просвещенным миром.

Изданные ныне “Стихотворения г. Ходзьки” содержат в себе 36 новогреческих песен, разные мелкие пьесы и “Дерара”, кассиду в двух частях.

Кассида сия заключает в себе множество высоких и прекрасных изображений, в коих резко отражается дух восточной поэзии. Но автор, желая вернее передать нам характер певцов Востока, иногда удаляется от верного вкуса и употребляет сравнения преувеличенные: таково в *песни евнуха* (стр. 149) сравнение вулкана с трубкою, гряды облаков — с чубуком и солнца — с янтарем. Сетования Зарифа и четверостишие (с турецкого) имели бы свое достоинство в каком-нибудь особенном сочинении о духе восточной поэзии, а не в поэтическом подражании *кассидам*, которое, без сомнения, не должно изменять изящному. Нельзя не пожалеть, что автор, обладая талантом и знанием Востока, не подарил нас очищенными красотами персидской и арабской поэзии, без примеси той уродливости воображения, кою отличается “Джами” (стр. 188 пр. 12).

Мелкие стихотворения Ходзьки, как оригинальные, так и переводные, носят на себе отпечаток таланта и могут доставить удовольствие просвещенным любителям поэзии. Сожалею, что пределы статьи сей не позволяют нам распространиться более о их достоинствах и тем лишают нас удовольствия указать на множество истинных красот, заключающихся в сем *собрании*.

Гдт.